

Гарри казалось, что полоса неудач никогда не кончится. Сначала его на целое лето заперли в чулане под лестницей, лишив всякой связи с внешним миром, а когда он уже окончательно поверил, что друзья забыли его и бросили, на пороге объявился странный домовик по имени Добби. Мало того что это существо твердило о его спасении, оно ещё и питало непреодолимую страсть к самобичеванию, при любом удобном случае принимаясь с размаху биться головой о стену.

Из врождённого великодушия Гарри простил уродливому существу то, что оно без спросу перехватывало его почту. Однако благородный жест остался без ответа. Этот паршивый домовик отплатил за доброту тем, что... устроил форменный погром с праздничным пирогом Дурслей.

Что ж, если быть до конца честным, в глубине души Гарри даже злорадствовал: увидеть семейство Дурслей в столь неопишемом смятении стоило дорогого. И плевать, что в наказание его оставили без ужина и заперли в чулане под замком на целую кучу засовов.

Последующие события развивались куда веселее. Рон вместе со своими братьями-близнецами угнал заколдованный фордик мистера Уизли и вызволил Гарри, устроив ему побег напрямик в Нору. И пусть детали вроде жуткой дорожной качки и последовавшей за ней тошноты лучше было опустить — сам остаток каникул выдался чудесным. Жизнь в Норе бурлила, полная шума, суеты и искреннего тепла. Даже поход в Косую аллею, обернувшийся случайным заносом в зловеющий Лютный переулок, не испортил настроения. Как резонно заметили Фред и Джордж, мало кому из несовершеннолетних волшебников доводилось в одиночку обследовать Лютный, так что в каком-то смысле Гарри мог собой гордиться.

Там же они встретили Гермиону. Она, правда, успела раз десять проворчать по поводу того, что Пан упорно не отвечает на письма, и это немного утомляло, но, признаться честно, Гарри и сам очень скучал по своему слизеринскому другу. И, разумеется, был ему безмерно благодарен — пусть даже Пан точно так же игнорировал все его послания.

Он помнил о долге перед Паном за спасение в Запретном лесу, когда тот выручил их с Роном, Гермионой и Невиллом. Сам Гарри те события помнил смутно, но, к счастью, у них остался кристалл с записью.

Но ещё сильнее Гарри благодарил Пана за помощь в той тайной подземной комнате. О произошедшем там знал лишь он сам — ни Рону, ни Гермионе он так ничего и не рассказал.

Гарри до мельчайших подробностей помнил, как остался один на один с Квирреллом, чьё тело делил с собой Тёмный Лорд. Он помнил удушающую хватку на своём горле и то, как мир вокруг уже начал меркнуть. Именно внезапное появление Пана заставило монстра выпустить философский камень, дав Гарри столь необходимую передышку, которая в итоге и позволила одолеть Квиррелла. Пан тогда принял на себя страшный удар и рухнул на каменный пол без чувств — бледный, истощённый, почти прозрачный, словно тающий на глазах.

Какую же жуткую цену ему пришлось заплатить? Позже, когда бесплотный дух Волдеморта

насквозь прошил самого Гарри, устремляясь прочь из подземелий, мальчик на собственной шкуре почувствовал то, с чем столкнулся Пан. Ледяная, выжигающая душу боль. Но ведь Гарри защищала древняя магия любви, оставленная матерью, в то время как Пан был лишён подобного щита.

К сожалению, от слабости Гарри тогда провалился в небытие. Очнулся он уже в больничном крыле. Пана рядом не было, и какое-то время Гарри всерьёз опасался худшего. Но на праздничном пиру по случаю окончания года он наконец завидел знакомую платиновую макушку. Пан сидел за столом Слизерина рядом с Малфоем — бледный, сильно похудевший, но живой. В тот миг Гарри впервые подумал, как же это прекрасно — просто жить. И пускай Пан упорно не желал общаться и молчал в ответ на все послания. Может, он, как и Рон, просто не получил ни одного письма из-за этого проклятого Добби?

Однако...

Неприятности не собирались оставлять Гарри в покое. Особенно когда к ним прикладывал руку некий... хм... весьма настырный домовик.

Из-за заблокированного барьера на платформе девять и три четверти они с Роном опоздали на «Хогвартс-экспресс». Безумная поездка на заколдованной машине закончилась жестким приземлением в ветвях Гремучей ивы. Автомобиль изрядно пошвыряло в воздухе, после чего он просто вышвырнул пассажиров вместе с вещами на траву и укатил в Запретный лес. Гарри запоздало подумал, что надо было предложить Рону спрыгнуть на ходу прямо на крышу поезда, пока они летели над путями, а не дожидаться, пока взбесившаяся развалюха решит избавиться от них сама. По крайней мере, тогда его бы так зверски не тошнило.

Кое-как увернувшись от тяжелых сучьев ивы, они тайком пробрались в замок. Но вместо добродушного профессора Флитвика их встретил Снейп, исходивший привычной, необъяснимой яростью. Настоящая сальная летучая мышь, как метко окрестил его Рон. Поскольку учебный год формально еще не начался, Снейп не смог снять с Гриффиндора сотню-другую очков, зато с лихвой компенсировал это целым месяцем отработок. И ладно бы Гарри действительно совершил преступление, но ведь в прошлом году он, пусть и по ошибке, раскрыл заговор и спас школу! Снейп мог бы проявить хоть каплю снисходительности. Но нет — теперь им с Роном предстояло под надзором Филча драить школьные туалеты. Вручную! Без капли магии! Ну почему опять туалеты?!

— Гарри, ты чего? Завтрак не нравится? — спросил Рон, уплетая тосты с джемом за обе щеки.

Казалось, его ни капли не заботила собственная участь. И это после вчерашнего краха! Ещё вечером, разглядывая сломанную волшебную палочку, Уизли выглядел так, словно готов прямо сейчас лишиться чувств от горя, но стоило ему проспать, как перед Гарри снова сидел пышущий здоровьем, румяный и абсолютно беззаботный Рон Уизли. Подобной толстокожести Гарри, даже при всей собственной неприхотливости, мог только позавидовать.

— Нет, всё в порядке, — Гарри мотнул головой.

Он потянулся было к кувшину с тыквенным соком, но вовремя заметил, что Гермиона водрузила прямо на него открытую книгу под названием «Встречи с вампирами». Подруга явно до сих пор злилась на них: даже дежурное «доброе утро» она процедила сквозь зубы так сухо, что воздух вокруг едва не заledenел.

— Скоро должна прилететь почта, — Невилл робко подсел поближе. — Надеюсь, бабушка пришлёт вещи, которые я в спешке позабыл дома.

Невилл тоже писал Гарри летом и, разумеется, не получил ответа. Вчера Рон уже объяснил ему, в чём крылась причина, и Лонгботтом, хоть и не одобрял их безумный полёт на угнанном фордике, злился на них куда меньше Гермионы.

Гарри вытянул шею, бросив быстрый взгляд на слизеринский стол. Драко Малфой увлечённо возводил на тарелке Пана целую гору из всевозможных вкусностей. Впрочем, это не помешало ему выкроить секунду и зыркнуть в сторону Гарри. Мерлин свидетель, взгляд Малфоя не предвещал ничего хорошего — он смотрел с откровенной насмешкой и предвкушением скорого, грандиозного позора.

— Тсс!.. — Гарри прикусил губу и поморщился от боли: горячая овсянка нещадно обожгла язык. К счастью, именно в этот момент под своды Большого зала с оглушительным шумом и хлопаньем крыльев ворвалась почтовая лавина, так что его маленькую оплошность никто не заметил.

Раздался глухой хлопок, а следом — тяжёлый всплеск. Серый лохматый ком грязи рухнул прямо в кувшин с соком перед Гермионой. Брызги сладкой оранжевой жижи вперемешку с перьями веером полетели во все стороны. Гермиона поморщилась от брезгливости.

— Стрелка! — ахнул Рон.

Он поспешно схватил несчастную сову за лапы и выудил из липкого плена. Дряхлая птица бессильно распласталась на столе, задрав лапки кверху, а в клюве у неё был зажат изрядно намокший ярко-красный конверт.

— О нет... — едва слышно выдавил Рон.

Он дрожащим пальцем указывал вовсе не на полуживую птицу, а на злое красное послание.

— Что это? — спросил Гарри, протягивая руку, чтобы помочь забрать письмо, но Рон мёртвой хваткой вцепился в его рукав, мелко и панически дрожа всем телом.

— Ма... мама... Она прислала мне громовещатель! — Рон побледнел до синевы, но уже через секунду густо покраснел, сравнившись цветом с собственными волосами. Настойчиво

подталкиваемый испуганным Невиллом, он дрожащими пальцами надорвал край конверта.

В то же мгновение Большой зал сотряс оглушительный взрыв родительского гнева.

— ... УГНАТЬ МАШИНУ! Я СОВЕРШЕННО НЕ УДИВЛЮСЬ, ЕСЛИ ТЕБЯ ИСКЛЮЧАТ, И ТОГДА Я ТЕБЕ УСТРОЮ ТАКУЮ ЖИЗНЬ! ТЫ ХОТЬ НА СЕКУНДУ ЗАДУМАЛСЯ, ЧТО МЫ С ОТЦОМ ИСПЫТАЛИ, КОГДА ОБНАРУЖИЛИ, ЧТО ЕЁ НЕТ?!

Гарри наконец осознал причину столь предвкушающего взгляда Драко. В этот момент они с Роном готовы были сквозь землю провалиться от стыда.

— ... ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ ПРИШЛО ПИСЬМО ОТ ДАМБЛДОРА, ТВОЙ ОТЕЦ ЧУТЬ С КРЕСЛА НЕ РУХНУЛ ОТ СТЫДА! МЫ РАСТИЛИ ТЕБЯ В ЧЕСТНОСТИ, А ТЫ... ВЫ С ГАРРИ ЧУТЬ НЕ ПОГИБЛИ!..

Гарри попытался незаметно отодвинуться подальше от Рона, надеясь сделать вид, что не имеет к этому орущему кошмару никакого отношения. Однако, едва его собственное имя прозвучало на весь зал, он понял, что все попытки тщетны. Блуждая затравленным взглядом по столам, Гарри наткнулся на Драко и Пана. Опершись подбородками на ладони, они с нескрываемым удовольствием наблюдали за разворачивающимся представлением, словно сидели в ложе театра.

— ... ЭТО ПРОСТО НЕМЫСЛИМО! НА РАБОТЕ У ТВОЕГО ОТЦА НАЧАЛОСЬ СЛУЖЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ, И ВСЁ ИЗ-ЗА ТЕБЯ! ЕСЛИ ТЫ ЕЩЁ ХОТЬ РАЗ НАРУШИШЬ ПРАВИЛА, МЫ НЕМЕДЛЕННО ЗАБЕРЁМ ТЕБЯ ДОМОЙ!

Оглушительный крик наконец смолк, оставив за собой звенящую тишину. Искерпав запас магии, красный конверт вспыхнул изнутри и за считанные секунды обуглился, превратившись в горстку серого пепла. Кое-где слышались робкие смешки, которые лавиной покатались по столам, перерастая в дружный хохот. Гарри зажмурился: они снова стали главным посмешищем Хогвартса.

«Проклятье... — тоскливо подумал Гарри. — Из-за нашей глупой выходки у мистера Уизли теперь будут крупные неприятности на работе. А ведь они с миссис Уизли так тепло приняли меня летом...»

— Прекрасное зрелище, — протянул Драко, манерно пододвигая к Пану очередное блюдо, которое тот физически не смог бы осилить. — Хватит одной соломинки, чтобы окончательно прижать этих безмозглых львов к ногтю. Отец будет в восторге, когда узнает. Этот отдел по борьбе с незаконным использованием магловских вещей изрядно потрепал нам нервы за лето.

— Так почему бы тебе самому не стать этой соломинкой? — Пан аккуратно отодвинул от себя внушительную тарелку и налил в бокал немного молока. Голос его звучал столь невозмутимо, что у любого другого на месте Драко от азарта или злости заскрежетали бы зубы. — Навык

складывать еду горкой у тебя заметно вырос. Жаль, в школе не проводят подобных состязаний, а то непременно взял бы главный приз.

— Подобные забавы ниже достоинства чистокровного мага, — высокомерно фыркнул Драко, уязвлённый тем, что его попытка закормить друга провалилась. Оставив бесплодную затею, он придвинул к Пану пиалу с жидкой овсяной кашей, прекрасно зная, что по утрам вкусы того отличались раздражающей простотой. — Отец, конечно, советовал мне почаще испытывать на прочность гриффиндорские нервы — так, чтобы привлечь внимание Дамблдора, но переходить черту я не собираюсь. Моя репутация превыше всего. Я должен оставаться именно тем Малфоем, какого директор и ожидает увидеть.

Пан лишь молча пожал плечами, великодушно прощая Драко эту пафосную попытку замаскировать обычное желание подольше насладиться представлением.

В этот момент вдоль стола Слизерина потянулась цепочка учеников: староста Мелоди Джексон раздавал расписание занятий. Он перешёл уже на шестой курс, но вчерашнее испытание делом подтвердило его безусловное право именоваться лучшим на своём потоке. Он сохранил за собой звание лидера Слизерина и пост старосты факультета. Драко также без труда защитил своё первенство на втором курсе — вызов Миллисент Булстроуд вновь завершился его полным разгромом. Что же касается первого года обучения, то здесь, как и предсказывал Малфой, лавры лучшего достались младшему отпрыску благородного семейства Гринграсс — Кайри Гринграссу.

<http://bllate.org/book/18188/1765895>